

Это было настоящее кровавое бойнище, где скорость очищения земли не успевала за тем, как кровь покрывала её, превращая зелёный луг в багровое пятно. Перья кур, уток и клочья шерсти летали повсюду, а уцелевший скот, загнанный за ограду, дрожал от страха. В центре этого хаоса, однако, был островок чистоты, где в одиночестве стоял Бай Сюйяо с лёгким раздражением на лице. Не моргнув глазом, он пошевелил пальцем, и ещё одна корова разлетелась на части. Кровь и внутренности, ещё тёплые, разлетелись во все стороны, но ни одна капля не упала рядом с Бай Сюйяо, послушно стекая в подготовленную канаву.

На грубые методы Бай Сюйяо Шэнь Цин смотрел со смешанным чувством, но не мог не признать их эффективности.

— Свёрнутую кровь тоже можно есть, не переусердствуй, — сказал Шэнь Цин обычным тоном, но слова чётко донеслись до Бай Сюйяо. Лёгкое раздражение от монотонной работы мгновенно исчезло с его лица, и он с удивлением посмотрел в сторону Шэнь Цина. — Кровь тоже можно есть?

— Мао сюэ ван, лацзы суань ян сюэ, я сюэ фэньсы тан, цинцзяо чао чжу сюэ, чжу сюэ гао...

Бай Сюйяо с сожалением посмотрел на кровавое месиво под ногами и сокрушённо цокнул языком.

Шэнь Цин, усмехнувшись, бросил на него несколько косых взглядов.

— Ладно, хватит. Пойдём отсюда... или останемся посмотреть?

Бай Сюйяо отряхнул с себя несуществующую пыль и вернулся к Шэнь Цину.

— Как скажешь. Я полностью тебе подчиняюсь.

— Тогда пойдём. Доубао, наверное, скоро проснётся. В следующий раз возьмём вас всех сюда.

Едва он произнёс эти слова, пейзаж перед ними снова изменился — Шэнь Цин вывел Бай Сюйяо из своего пространства. Одновременно исчезли и учащённое сердцебиение Бай Сюйяо, и то странное, но знакомое чувство беспокойства. Он разжал сжатый кулак. Пробы он в пространстве Шэнь Цина ещё полчаса, и вряд ли смог бы удержаться от того, чтобы не нырнуть в тот ручей.

— Что с тобой? — спросил Шэнь Цин, заметив, как Бай Сюйяо задумчиво смотрит на свою ладонь. — Ты себя плохо чувствуешь?

— Нет, — мягко ответил Бай Сюйяо, и в его голосе появилась несвойственная нежность. Он повернулся и обнял Шэнь Цина. — Просто я удивлён... что ты позволил мне войти в твой мир. Я же говорил, что ты не устоишь перед моим обаянием. Ты так сильно влюблён в меня, что я, пожалуй, соглашусь быть с тобой.

Шэнь Цин рассмеялся над его наглым тоном.

— Я не буду настаивать. Уж точно не заставляй себя.

— Нет уж! Лучше я пострадаю, чем ты! — Бай Сюйяо был тем, кто, дай ему палец, откусит всю руку.

— Значит, быть со мной — это страдание? — голос Шэнь Цина стал холоднее.

Бай Сюйяо не видел его лица и, решив, что действительно разозлил его, мысленно дал себе пощёчину. Поглаживая спину Шэнь Цина, он торопливо затараторил:

— Я не это имел в виду! Это была шутка, красавчик... Ты правда злишься?

Прошло несколько мгновений, но ответа не последовало, только дыхание в его ушах стало ровным и глубоким. Бай Сюйяо с лёгким вздохом улыбнулся, подхватил Шэнь Цина на руки и уложил в постель. Затем он прилёг рядом, опершись на локоть и глядя на спящего, изредка поправляя пряди волос на его висках. Его лицо было спокойным и умиротворённым, словно одного этого взгляда было достаточно, чтобы скрасить долгие, бесконечные годы.

Проведя ладонью по лицу Шэнь Цина, чтобы убедиться, что тот погрузился в более глубокий сон, Бай Сюйяо соединил средний и указательный пальцы и приложил их к его лбу. Другой рукой он сделал то же самое на своём лбу. Под пальцами заиграл красный свет, и на гладкой коже лба Шэнь Цина проступили тонкие узоры, похожие на листья. На лбу же Бай Сюйяо проявился узор в форме слегка распутившегося цветка. Игольчатые лепестки расходились от центра, изящно изгибаясь и накладываясь друг на друга, создавая невероятно красивый рисунок. Цвет оставался алым, но после нескольких дней усилий Бай Сюйяо и листья, и лепестки обрели золотую окантовку. Затем золотой свет вспыхнул, и все узоры бесследно исчезли.

Вслед за этим по капле чистой крови выступило на лбу Шэнь Цина и Бай Сюйяо. Капли повисли в воздухе над ладонью Бай Сюйяо, медленно вращаясь. По мере того как его руки сближались, две капли крови, словно связанные невидимой нитью, начали приближаться друг к другу и в конце концов слились в одну. Бай Сюйяо сосредоточил почти всю свою силу души в руках, и она медленно протекала через объединённую каплю. Из шарообразной капли под её воздействием начала формироваться цельная структура, похожая на растение, с цветком, листьями и тонким стеблем. Однако этот образ был нестабилен, листья казались готовыми вот-вот отпасть. Возвращая структуру в тело Шэнь Цина, даже несмотря на отработанность процесса, Бай Сюйяо покрылся потом и, полностью измотанный, рухнул на кровать, погрузившись в глубокий сон.

...

На следующий день Шэнь Цин отнёс продукты, которых должно было хватить дней на три, в хранилище ресторана. Благодаря поддержке нескольких Яньло и мастерству Цуй Юя, он вообще не беспокоился о сохранности ингредиентов. Сверившись с отделом закупок, он выбрал благоприятный день для открытия.

Ресторан частной кухни Подземного мира использовал схожую с предыдущими точками продаж систему: заказы через сеть и лотерею. Однако теперь у него было постоянное место, меню стало более разнообразным, а цены, конечно, выросли. Несколько учеников-призраков Шэнь Цина, которых Бай Сюйяо перевёл в Подземный мир, получили местную прописку и были распределены на кухню, в зал и другие места, чтобы продолжать помогать Шэнь Цину.

Пока Шэнь Цин был занят подготовкой к открытию, Доубао наконец проснулся! Шэнь Цин тут же перепоручил дела другим ответственным и отправился в общежитие Цуй Юя. Комната, которую снял Бай Сюйяо, находилась далеко от комнаты Цуй Юя, но, имея номер его комнаты и предварительное разрешение, Шэнь Цин мог войти в неё, просто мысленно произнеся номер, пока находился в зоне общежития.

Итак, после нескольких секунд темноты, когда Шэнь Цин снова открыл глаза, перед ним стоял

Доубао.

При первой встрече Доубао выглядел как двухлетний малыш, но после двух этапов роста он превратился в мальчика лет четырёх-пяти. Пухлые щёчки исчезли, и его черты лица стали более чёткими и выразительными. Кто-то даже нашёл для него маленький костюмчик, который сидел на нём, как на идеально сделанной кукле.

— Мама... — стеснительно потянувшись за уголок одежды, Доубао хотел подбежать и обнять Шэнь Цина, но, вспомнив, как непослушно убежал и был пойман злой тётей, боялся, что Шэнь Цин рассердится и отвернётся от него. Поэтому, назвав его мамой, он лишь робко сделал два шага вперёд, смотрел на Шэнь Цина большими глазами, полными слёз, и протянул руки. — Мама, обними!

Ах! Мой Доубао вырос, такой милый и красивый! Хочется обнять и прижаться... Нет!

Сжав губы, Шэнь Цин сдерживал своё волнение.

— Доубао, называй меня дядей. Я не твоя мама.

Доубао с обидой убрал руки, его губы задрожали, и слёзы потекли по щекам. Он посмотрел на Шэнь Цина сквозь слёзы, затем отвернулся, показывая ему спину, и всхлипнул.

— Доубао рассердил маму, поэтому мама не хочет Доубао... Это всё из-за меня! У-у-у...

Слушая рыдания Доубао, Шэнь Цин чувствовал, как его сердце сжимается. Ему было и больно, и досадно! Потирая виски, он понял, что от этого обращения «мама» уже не избавиться. Смирившись, он подошёл, поднял Доубао на руки, и тот тут же обхватил его за шею, прижавшись к плечу и рыдая.

— Мама... Не бросай Доубао! Доубао не будет плохим!

Лёгкими похлопываниями по спине Шэнь Цин наконец с трудом произнёс:

— Мама... мама никогда не бросит Доубао. Не плачь, ладно?

Утешая мальчика, он не переставал думать о том, что Цуй Юй мог ему сказать. Доубао, похоже, понимал свою ситуацию лишь отчасти. Осмотрев гостиную, он увидел ожидаемо минималистичный интерьер: длинный стол у стены, несколько скамеек, а в центре пола — толстый тёмный ковёр. На стенах висели несколько абстрактных картин, смысл которых был ему непонятен.

— А где дядя Цуй Юй?

— Цуйцзуй... ик! — Доубао, икая и хмурясь, ответил. — Цуйцзуй сказал Доубао ждать маму здесь, а сам... ик! Пошёл к прадедушке!

<http://bllate.org/book/16244/1460822>